

А. С. Кривошекова-Гантман, Откуда эти названия?
[Пермь], Пермское книжное издательство, 1973. 110 стр.

Рецензируемая книга представляет собой первую сводную работу о географических названиях Пермской области. Написана она кандидатом филологических наук доцентом А. С. Кривошековой-Гантман — автором многих исследований по коми-пермяцкой топонимике. Используя материалы старых карт, дореволюционных словарей и списков населенных пунктов, а также экспедиций кафедры русского языка Пермского педагогического института, А. С. Кривошекова-Гантман в популярной форме рассказала много нового и интересного о возникновении и жизни местных названий. Рационально учитывая данные смежных наук, она пришла к правильному выводу о происхождении того или иного названия на карте края.

Во введении (стр. 5—12) дан краткий очерк истории исследования топонимии Пермской области, а также приведены основные источники: словари, списки, топонимические работы различного характера и т. д. А. С. Кривошекова-Гантман анализирует работы Н. К. Чулина, И. Я. Кривошекова, И. Н. Смирнова, А. Ф. Теплоухова, В. Н. Шишонко и других, которые специально занимались или в какой-то мере касались топонимии Пермского края.

Далее (стр. 16—21) на основе современных археологических изысканий, с помощью методов изучения топонимии, а также этимологического и лингвистического анализов автор выделила на территории Пермской области четыре основных языковых источника названий: 1) пермский (коми-пермяцкий, коми-зырянский и удмуртский); 2) угорский (мансийский, хантыйский); 3) тюркский (болгарский, башкирский, татарский, западносибирско-тюркский); 4) русский.

Творцами так наз. пермских топонимов автор считает общих предков современных удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков, которые общались между собой на диалектах общепермского языка-основы.

В общепермскую эпоху (длилась около двух тысяч лет) основные географические объекты уже получили названия. На базе общепермских топонимов были выработаны коми-пермяцкий, коми-зырянский и удмуртский топонимические пласты.

Под коми-пермяцкими названиями (стр. 23—36) А. С. Кривошекова-Гантман понимает все названия, созданные коми-пермяками и их далекими предками — финно-угорский, общепермский и общекоми фонды на территории Верхнего Прикамья, а также собственно коми-пермяцкие топонимы. По грамматической структуре коми-пермяцкие названия делятся на две группы. Одни представляют основу имени существительного, нередко совпадающую с корнем, не осложненным формальными средствами, например, *Воч* < *водж* 'запруда в реке', *Кадь* < *кад* 'топь, зыбун, трясина', *Неч* < *нёдз* 'овраг, ложбина', *Ручь* < *руч* 'лиса'. Другие образованы путем сложения и сочетания слов, например, *Косьва* 'порожистая река' (букв. 'порог — вода'), *Сёйва* 'глинистая вода' (букв. 'глина — вода'), *Паськытшор* 'широкий ручей'.

А. С. Кривошекова-Гантман четко определила локализацию гидронимов, снабженных вторым компонентом -я: они расположены преимущественно на севере Прикамья (*Унья*, *Гадья*, *Шудья*, *Инья*, *Мысья*, *Расья*, *Сардя* в Чердынском районе; *Лупья*, *Ворья*, *Парья*, *Бадья*, *Чикурья*, *Кулемья* — в Гайнском; *Шудья*, *Урья*, *Лемья* — в Кочевском; *Чужья*, *Пышья* — в Юрлинском; *Кузья*, *Пышья*, *Кордя* — в Кудымкарском).

По языковой принадлежности названия на -я неоднородны. Автор показывает, что в некоторых гидронимах -я — принадлежность пермских языков. В народном произношении такие гидронимы до сих пор сохранили исход -у, -ю. Так, вместо официальных *Пышья*, *Кордя*, *Кузья*, *Урья*, *Ворья* коми-пермяки произносят *Пышшу* (из более древнего *Пышью*),

Корддю (< *Кордыю*), *Кузью* (< *Кузью*), *Урюю*, *Ворью*.

Часть коми-пермяцких названий на -я происходит от существительных со значением 'изобилующий чем-либо', например, *Лемья* 'место, поросшее черемухой, черемушник', *Бадья* 'река, протекающая по ивняку, ивняк', *Турунья* 'травянистое место', *Сирья* 'место, поросшее вязом'. Часть названий на -я, особенно на территории Удмуртской АССР, автор вслед за Г. А. Архиповым и С. К. Бушмакиным, считает родовыми именами пермских племен (*Шудья*, *Кибья*, *Жикья* и др.).

В целом весьма скептически относясь к угорским названиям в Прикамье, все же некоторые гидронимы с исходом -я она относит к обским уграм (манси), например, *Лупья* < манс. *луп* 'лесная чаща, валежник' и я 'река'.

Далее А. С. Кривошекова-Гантман анализирует массово повторяющиеся элементы (имена-форманты) топонимов: *ва* 'вода, река' (*Вольва*, *Койва*, *Ольва*, *Лысьва*); *вож* 'ответвление, приток, развилка' (*Шервож*, *Ойвож*, *Лёквож*, *Сусавож*); *чер* 'приток' (*Янчер*, *Кетчер*, *Мытчер*); *шор* 'ручей' (*Учотшор*, *Ыджытшор*, *Чу-кылашор*); *кар* 'городище, укрепленное место, местожительство коллектива' (*Канкар*, *Дойкар*, *Чумкар*, *Кудымкар*); *горт* 'дом, деревня, родина' (*Лабгорт*, *Маньгорт*, *Козьгорт*, *Вильгорт*); *ыб* 'поле' (*Матыныб*, *Кудаыб*, *Пойыб*) и другие, очерчивает их ареалы.

О пребывании коми-зырян в Верхнем Прикамье (стр. 37—38) ярче всего свидетельствуют такие названия, как *Зырянка*, *Зыряново*, *Зыряны*. Верно замечание, что в топонимии неэтнического происхождения коми-зырянские названия выделить труднее, поскольку языки очень близки и огромное количество слов представляет собой общий топонимический фонд.

На исследуемой территории А. С. Кривошекова-Гантман находит немало топонимов удмуртского происхождения (стр. 38—41), например, *Мурты* < удм. *мурты* 'глубокое озеро', *Сурд* < удм. *сурд* 'роща', *Тыло* < удм. *тыло* 'место лесного пожара, подлесок', *Касиб* < удм. *кас* 'злой, завистливый, коварный', *Намшур* < удм. *шур* 'река' и другие.

Следы пребывания волжско-финского населения в Приуралье (стр. 42—43) от-

разились в таких названиях, как *Черемиски*, *Ошмары*, *Вая* и *Немыд* (ср. марийские гидронимы *Вая* и *Немда*), *Морд-вино*.

Тезис о заселении Севера из районов Волго-Окского междуречья (М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов) делает особенно вероятным наличие на территории Пермской области топонимии волжско-финского типа. Существование в коми языке значительного слоя лексики, общей с марийским языком, свидетельствует о том, что коми были тесно связаны с волжско-финским миром. По данным археологии (Э. А. Савельева), последние представляли собой промежуточные смешанные группы, имеющие в материальной культуре много древнемарийских, мерянских черт.

В отличие от Д. П. Европеуса, А. Ф. Теплоухова, Б. А. Серебrenникова автор на основании современных археологических и топонимических данных утверждает, что в древности обширная территория Среднего и Верхнего Прикамья была лишь частично занята угорскими племенами (стр. 44—50). Можно говорить лишь о неоднократных проникновениях, инфильтрациях отдельных групп мансийского и хантыйского народов в зону сплошного пермского населения. Этим обусловлено наличие отдельных угорских вкраплений в общую массу названий коми-пермяцкого происхождения.

Автор довольно удачно выявляет обско-угорские названия в северо-восточной части Пермской области и успешно этимологизирует их из мансийского языка, например, *Ойка-Чакур* < букв. 'мужчина — гора', *Самтыл-Чахль* < букв. 'Одноглазый (прозвище) — гора'. В местах соприкосновения народов встречаются отдельные мансийско-русские дублетные названия: *Яхтелья-Нер* — *Тулымский Камень*; *Чульпаль-Нер* — *Чувальский Камень*. В районе Чердыни автор находит мансийско-коми гибридные названия, например, *Люнва* < манс. *лунн* 'низовье реки, на севере' и коми *ва* 'вода, река', *Люльва* < манс. *люль* 'плохой, приносящий несчастье' и коми *ва* 'вода, река', *Козпты* < манс. *козп* 'барабан' и коми *ты* 'озеро'.

Вопреки установившемуся убеждению об угорском происхождении топонимов с исходом -ым, -им (Б. А. Серебrenников, А. К. Матвеев, Е. И. Ромбандеева и др.)

А. С. Кривошекова-Гантман показывает, что этот конечный элемент в гидронимах принадлежит тюркским языкам. Названия типа *Касим, Валим, Тасим, Казым, Салим, Назым, Кадым, Надым, Айтым* — антропонимы и могли войти в топонимию через тюрков или отюркившихся угров. Известная часть названий на *-ым, -им* может восходить и к тюркским географическим терминам, например, *Тарым* < *тарим* 'приток реки', *Ирим* < *ирим* 'озеро на месте старицы'.

Иногда топонимы типа *Кырым, Буждым*, по мнению автора, могут скрывать коми-пермяцкие основы *кырём* и *буждём* 'обрыв, ров, разлив, промоина'.

А. С. Кривошекова-Гантман впервые на территории Пермской области выделяет названия, сходные с кетскими, и считает, что они были занесены сюда не самими кетами, а теми же западносибирскими тюрками (хакасами?), например, *Лытва* < кет. *лыт* 'гора' и гидронимы с исходом *-ыл* (*Косыл, Исыл, Оныл*). Формант *-ыл* она связывает с кет. *ул* 'река'.

Топонимы с тюркскими и кетскими основами (стр. 51—57), встречающиеся почти по всей территории Пермской области, безусловно заслуживают самого пристального внимания и требуют дополнительной аргументации.

Возникновение топонимов русского происхождения (стр. 58—64) в Пермской области тесно связано с колонизацией края. В широком смысле русскими являются не только топонимы, образованные от исконно русских основ с помощью словообразовательных средств русского языка, но и многочисленные заимствования, испытавшие влияние со стороны русского языка, словом, все топонимы, имеющие фонетическую и грамматическую форму русского языка. Так, в русский топонимический фонд области автор правомерно включает многочисленные коми-пермяцкие топонимы и названия татарских и башкирских селений южных районов области, после обработки вошедшие в официальные источники, например, *Луньевка, Лызовка, Чешева, Тумская, Чусовая, Чепец, Вишерка, Вижаиха, Урлка, Вильгорт, Сюзьва, Сива, Кысьва, Зерна* и т. д.

А. С. Кривошекова-Гантман подробно прослеживает звуковые изменения при заимствовании из коми-пермяцкого языка в русский (стр. 62—64). Словообразова-

тельный и семантический анализы исконно русских названий Прикамья (стр. 65—75) показывают многообразие типов, тождественных с топонимией соседних русских территорий.

На основе исторических, лингвистических и фольклорных данных А. С. Кривошекова-Гантман дает новое объяснение гидрониму *Кама* (стр. 76—82). По ее мнению, в глубокой древности у финноугров Прикамья существовало слово с различной огласовкой *ком, кум, кам* 'человек'. Впоследствии на основе его были созданы этноним *коми*, затем топоним *Комму* 'Верхнее Прикамье' (букв. 'земля комов') и, наконец, гидроним *Ком* (*Кам*). Окончание *-а*, видимо, позже добавлено русскими.

Исследователи с давних пор сопоставляли самоназвание народа коми с гидронимом *Кама* (Т. Э. Утила, Ю. Вихманн), все же вопрос о происхождении названия основной реки Пермской области остается открытым.

Увлекательно написана глава о происхождении слова *Пермь* (стр. 83—89). Автор кратко излагает различные точки зрения, которые до сих пор встречаются в научной литературе, и останавливается на самой удачной и наиболее обоснованной теории о западнофинском происхождении его: *Перемь, Пермь* < вепс. *перама* 'задняя земля, Заволочье'.

В последнем разделе (стр. 89—94) дается этимология следующим названиям городов Пермской области: *Нытва, Чердынь, Чусовой*.

На наш взгляд, вызывает интерес предание о происхождении названия *Юксьёв* (офиц. *Юксеево*), которое связывается с именем чудского князя *Юкся* (иногда *Юкси*) (стр. 102—103). Данное имя автор приближает к удмуртским именам типа *Какся, Какси*. Носителей имен *Юкси, Какси* А. С. Кривошекова-Гантман считает пермянами, но ничего не пишет о происхождении самих имен. Заманчиво сравнить их с финским количественным числительным *yksi* 'один', *kaksi* 'два', тем более что имена отвлеченного значения встречаются (ср. древнерус. *Первой, Второй, Третьей*¹).

¹ В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчества и фамилий, Москва 1959, стр. 25.

В конце книги даны список существующей литературы по топонимике Пермской области (стр. 106—107) и памятка для сплошного обследования топонимического микрорайона (стр. 108—109).

Позволим себе отметить в качестве недостатка работы то, что в данной книге не объясняется название столицы Коми-Пермяцкого национального округа — *Кудымкар*, хотя об этом топониме у автора написана интересная и обширная статья.²

На стр. 32 нам представляется неубедительным толкование топонима *Майкар* как 'городище рода Бобра' < коми-перм. *мбй* 'бобер' и *кар* 'городище'. На наш взгляд, лучше сопоставить первую часть названия со словом *май*, которое в пермских языках означало, по-видимому, 'нечто желанное, удобное, приятное, полезное; радость, счастье, благополучие, отдых' и *кар* 'городище, укрепленное место'

² А. С. Кривошекова-Гантман, Кудымкар: городище в сосновом бору. — Географические названия Прикамья, Пермь 1968, стр. 89—94.

А. М. Рот, Венгерско-восточнославянские языковые контакты, Budapest, Akadémiai Kiadó, 1973. 573 S.

Mit diesem umfangreichen Werk hat der Verfasser eine Abhandlung der ungarisch-ostslawischen Sprachbeziehungen vorgelegt, wie sie wohl bisher nicht nur in der Fachliteratur über die ungarisch-slawischen Kontakte, sondern auch in der Interlinguistik überhaupt nicht erreicht wurde.

In der Einleitung wird auf etwa 13 Seiten eine kurze Übersicht über die wichtigsten sprachkontaktlichen Theorien gegeben. Dabei schenkt A. M. Rot der Klassifikation verschiedener Sprachkontakttypen und der Dynamik der linguistischen Interferenz besondere Aufmerksamkeit. Zur Basis seiner Klassifikation wird diejenige von B. A. Serebrennikov¹ und J. O. Zluktenko² angenommen, vom Verfasser erweitert und vervollkommen und die einzelnen Definitionen entsprechend modifiziert. Zu bemerken sei jedoch, daß nicht alle vorgenom-

¹ Б. А. Серебренников, Взаимодействие языков (Проблема субстрата). — ВЯ 1955, № 1.

² Ю. О. Жлуктенко, Мовні контакти, Київ 1966, S. 7.

(КЭСК 168, 117): *Майкар* 'удобное, приятное городище, укрепленное место'.

На стр. 35 автор утверждает, что в названиях типа *Истердор*, *Волпадор*, *Иньвадор*, *Юсьвадор* слово *дор* означает 'край, берег реки'. Нам кажется, что в подобных названиях населенных пунктов оно могло означать просто поселение, например, *Вадор* 'поселение у реки', *Межадор* 'поселение у межи, границы', *Обдор* 'Салехард' (букв. 'поселение у Оби'), *Совдор* 'Сольвычегодск' (букв. 'поселение у соли'), *СулдѠр* 'Соликамск' (букв. 'поселение у соли'), *Сардор* 'Пустозерск' (букв. 'поселение у моря').

Книга в целом оставляет хорошее впечатление. Это пока единственный в своем роде цельный труд по изучению коми-пермяцкой топонимии послужит достойным пособием для студентов вузов, учителей коми школ, краеведов, для всех тех, кто интересуется историей и географией своего края.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

menen Modifikationen, wie es beispielsweise bei den Definitionen der Termini «innerer» und «äußerer Sprachkontakt» (S. 17) der Fall ist, ganz geglückt sind. Verursacht wird das dadurch, daß der Autor (wahrscheinlich aus räumlichen Gründen) die von ihm angewandten Termini und Ausdrücke unzureichend kommentiert und determiniert. Aus gleichem Grund bleibt der Ausdruck «Etalon der linguistischen Interferenz» (S. 25) undeterminiert und deswegen schwerverständlich. Auch der Terminus «Interferenz» wird im Buch nicht näher bestimmt. Jedoch aus dem Inhalt kann abgeleitet werden, daß der in Weinreichs Sinne³ begriffen wird, d. h. als strukturelle Sprachabweichungen, die infolge der Sprachkontakte durch das Eindringen von fremdsprachigen Elementen verursacht werden.

Im Kapitel I «Aus der Forschungsgeschichte der ungarisch-slawischen sprach-

³ U. Weinreich, Languages in Contact, New-York 1953, S. 1.